

*Если ты не занимаешься сексом,
о чем с тобой разговаривать?*

Стар Джонс, The View

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 9

ЧАСТЬ I. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Пролог 13

Глава 1. Знакомство с асексуальностью 15

Глава 2. Объяснение через отрицание 30

Глава 3. Принудительная сексуальность
и асексуалы (мужчины) 52

ЧАСТЬ II. ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

Глава 4. Позволь мне освободить тебя 73

Глава 5. Белые и цветные 98

Глава 6. В болезни и в здравии 121

ЧАСТЬ III. ДРУГИЕ

Глава 7. Иной взгляд на романтику 149

Глава 8. Веская причина 187

Глава 9. Игра с другими 206

Глава 10. Анна 231

Глава 11. Куда мы идем, где мы были? 243

Благодарность 254

Дополнительная литература 255

Библиография 256

Предметно-именной указатель 276

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ДО СИХ ПОР НЕ БЫЛО написано ни одной книги об асексуальности. С другой стороны, ни одной из них не охватить весь опыт асексуала. Эта книга призвана дать общее представление о проблемах, связанных с асексуальностью, и о сексуальности и желаниях в очень конкретном контексте. Я преднамеренно рассказываю о людях, которых психологи называют WEIRD^{*}: эта аббревиатура расшифровывается как западный, образованный, промышленно развитый, богатый (или, по крайней мере, принадлежащий к среднему классу) и демократичный. Большинство из них американцы и либералы — это слово я использую в книге для обозначения культурно либеральных и, как правило, сексуально позитивных личностей. Книга нарочито современна. Истории, рассказанные в ней, взяты из моей собственной жизни, а также из обширных интервью с другими асексуалами. Я обещала своим собеседникам анонимность, поэтому во многих случаях использую вымышленные имена.

Словом «мы», часто встречающимся в этой книге, обозначается разное. Иногда сообщество асексуалов, поскольку я отношу себя к ним, а иногда и все общество западных либеральных американцев, в основном принадлежащих к высшему среднему классу. Я надеюсь, что будет написано еще много книг об опыте тех, кто находится за пределами этого мира. Им тоже есть что сказать.

^{*} Western, educated, industrialized, rich (or at least middle class) and democratic. —
Здесь и далее прим. пер.

ЧАСТЬ I

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

ПРОЛОГ

РЕСТОРАН ВЫБРАЛА ДЖЕЙН, так как я все равно собиралась провести весь день в Силвер-Спринг, а она специально приехала из Балтимора, чтобы повидаться со мной. Наши общие знакомые часто шутили, что мы клоны — книжные черви, интересующиеся нейробиологией, и она даже коротко постриглась вслед за мной, — но теперь меня интересовали различия между нами.

— Хочу тебя спросить, — сказала я, как только мы расположились за столиком в выбранном ею бирманском ресторанчике. — На что похоже сексуальное влечение?

Джейн заерзала на стуле. Нам обеим было по двадцать четыре года. Она была девственницей и никогда не встречалась с парнями, в то время как у меня во второй раз были серьезные отношения. Моим парням, как и мне, нравился секс, и я считала себя счастливицей с таким незамысловатым сексуальным прошлым. И все же именно я спрашивала свою подругу, каково это — испытывать сексуальное влечение.

Мне нужен был ориентир, что-то, что я могла бы сравнить со своим собственным опытом, чтобы увидеть совпадения и различия.

— Я не имею в виду, каково это, когда тебе кто-то нравится, — продолжила я; это чувство мне тоже было знакомо. — Или каково это — очень сильно хотеть отношений с кем-то.

Это чувство я тоже испытывала, причем оно было настолько глубоким, что я даже стыдилась его. У меня не было проблем с физическим возбуждением во время секса, и я была недостаточно наивна, чтобы полагать, что физическое желание — это единственная причина для секса. Люди занимаются сексом, чтобы чувствовать близость со своим

партнером или лучше относиться к себе, чтобы противостоять скуке и отвлечься от проблем.

Чего я не знала, так это того, что значит хотеть секса, не имея в виду конкретного человека. Просто думать о сексе наедине с самой собой. Ощущать физическое влечение, отличное от желания создать эмоциональную близость. У меня было больше сексуального опыта, чем у Джейн, но именно она открыто говорила о похоти и либидо. Между тем язык сексуального влечения не имел для меня никакого смысла.

Джейн попробовала салат из чайных листьев, затем постучала вилкой по тарелке.

— Я хочу быть рядом с кем-то физически, даже если это просто незнакомец, — сказала она. — Я нервничаю. Я начинаю вертеть в руках разные вещи. Мне становится тепло.

Она запнулась, затем извинилась, потому что ее ответ был не слишком точным.

— Не знаю, — сказала она. — Это просто чувство.

Но этого было достаточно. Расплывчатое описание Джейн показало: то, что я выдавала за сексуальное влечение даже самой себе, было чем-то совершенно другим — эстетической оценкой, стремлением к эмоциональной и физической близости, в какой-то мере собственничеством. Все это связано с сексуальным влечением и может усиливать его, но это не то же самое, что сексуальное влечение.

— Это просто интеллектуальное упражнение? — спросила Джейн.

— Нет.

ЗНАКОМСТВО С АСЕКСУАЛЬНОСТЬЮ

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ Я НАТОЛКНУЛАСЬ на слово «асексуальность», как и большинство людей, в интернете. Я прочитала определение на asexuality.org, веб-сайте Сети видимости и образования асексуалов (AVEN)¹: «Асексуал — это человек, который не испытывает сексуального влечения». Я узнала, что асексуальность — это сексуальная ориентация, как и гомосексуальность, пансексуальность и гетеросексуальность. Гомосексуалист испытывает сексуальное влечение к своему же полу; асексуал не испытывает его ни к кому.

В Кремниевой долине, откуда я родом, спокойно относились к альтернативному образу жизни, и я была рада, что узнала что-то новое о мире и других людях. Я без труда поверила, что асексуальность — это нормально, здорово и правильно, и что эти самые асексуалы (или асы) имеют право на долгую и счастливую жизнь без насмешек со стороны окружающих. Но эти познания не изменили моего мнения о самой себе.

Я неверно истолковала фразу «человек, который не испытывает сексуального влечения» как «человек, который ненавидит секс» — и поэтому лично я не могла быть асексуалом. У меня еще не было секса, но я много думала о нем. Вот что странно в этой ориентации и во всех тех заблуждениях, которые она несет.

Можно быть асексуалом и не осознавать этого, увидеть это слово, пожать плечами и двигаться дальше. Просто определения этого явления недостаточно; нужно погрузиться глубже.

Поскольку я не считала себя асексуалом, мне казалось, что эта тема меня не касается. В этом я тоже заблуждалась. Сексуальность повсюду, и везде, где сексуальность пронизывает общество, там же присутствует и асексуальность. Проблемы, с которыми борются асексуалы, — это те же проблемы, с которыми люди любой ориентации могут столкнуться в какой-то момент своей жизни.

Возьмем, к примеру, вопрос о том, как часто и сильно мы хотим секса. Сказывается ли редкое желание и слабое влечение на здоровье? Как это связано с расой, гендерной идентичностью или инвалидностью? Как потребность в сексе влияет на нашу жизнь в обществе, нашу личность и наши отношения с будущими партнерами?

Это общие вопросы, основанные на опыте разных людей. Ответы на них асексуалов отличаются от ответов всего остального общества, — и в данной книге делается попытка сопоставить мнения этих двух групп. Для этого я пообщалась с почти сотней асексуалов как по телефону, так и лично. Я задавала вопросы о влечении, идентичности и любви. Ответы, которые мне давали, редко были простыми, поскольку их, да и мой собственный, опыт был непростым. Во всем, что касается асексуалов, есть множество разных нюансов. Поэтому их ответы хоть и искренние, но иногда звучат несколько запутанно.

Среди опрошенных был мужчина, который вырос в религиозной среде и следовал всем ее правилам, но после женитьбы понял, что секс — не то чудо, которое ему обещали. Была женщина, которая сдавала анализы крови в старших классах, потому что была убеждена, что отсутствие у нее желания заниматься сексом — симптом серьезного заболевания. Что же касается асексуалов-инвалидов, они с трудом вписываются в какое-либо сообщество, заставляя задаваться вопросом,

где граница между их ограничениями и асексуальностью и стоит ли вообще ее искать. Цветные и гендерно-неконформные асы задаются вопросом, является ли их асексуальность реакцией на стереотипы. Все задумываются о том, как разделить дружбу и романтику, когда секс не является частью отношений. Асексуалы, которые не хотят романтических отношений, задаются вопросом, есть ли для них место в мире, четко ориентированном на определенный тип партнерства. А асы, которые действительно хотят романтики, указывают на то, что необходимость соглашаться на секс не позволяет удовлетворить их потребности.

Даже при отсутствии простых ответов эти истории позволяют изменить взгляд на то, как все мы, вне зависимости от ориентации, относимся к нашей сексуальности. Большинство людей ограничены сексуальными нормами; асексуалов эти нормы иногда даже делают изгоями. Это дает им возможность изучить правила общества с позиции стороннего наблюдателя. Часто асексуалы исследуют неявные сексуальные стереотипы и сценарии, связанные с определениями, чувствами, действиями, а также как эти нормы обедняют нашу жизнь. Асы изобрели новую линзу, которая фокусируется на реальности, а не на том, что якобы свойственно человеческой природе.

* * *

В четырнадцать лет я знала только то, что мой опыт сексуальности не соответствовал опыту асов, описанному в журналах. Я считала себя обычной, такой же, как почти все мои друзья и значительная часть населения.

Напротив, многие асы, о которых я читала в статьях или у которых брала интервью для этого проекта, признавались, что ощущали разницу с раннего возраста. Их истории вызывали в памяти наш разговор с Люсидом Брауном, художником, недавно окончившим Эмерсон-

колледж в Бостоне. «Мать трижды пыталась заговорить со мной на эту тему, когда я был ребенком, но я прерывал ее все три раза», — рассказывал он. (Люсид, как и многие люди, с которыми я беседовала, относит себя к небинарным.)

Люсид рассказывал мне, как в средней школе все прятались за деревом и подсматривали за целующейся парой. Остальные, казалось, испытывали трепет от возбуждения, но Люсид чувствовал только недоумение, не понимая привлекательности поцелуев или интереса к ним одноклассников. При половом созревании, конечно, многое может сбивать с толку, независимо от ориентации. Для асов сложности возникают не только из-за невозможности ориентироваться во всем, что связано с сексуальностью, но и из-за того, что они чувствуют себя полностью исключенными из мира секса и наблюдают за тем, как другие приобщаются к нему. Сплетни вращаются вокруг любви и поцелуев. Секс — у тех, у кого он есть, или же у тех, кто его хочет, — становится ключевой темой разговора. Всеобщая одержимость им может показаться непонятной, как будто все лишились разума.

Как бы часто Люсиду ни приходилось слышать о сексуальном возбуждении от сверстников, он не хотел заниматься сексом. Секс и все, что было с ним связано, отталкивали его. (У асексуалов различная толерантность к сексу. На протяжении всей книги я использую слово «секс» для обозначения партнерской сексуальной активности, начиная с отношений и далее.)

У многих асов одна лишь мысль о сексе вызывает отвращение: «как если бы вы сказали натуралу, что увлекаетесь зоофилией», — признаются они. Люсид реагировал еще сильнее. Ему казалось, будто внутри него ползают извивающиеся и корчащиеся угри. Они обитали в разных частях тела: один в кишечнике, другой вдоль позвоночника. Организм отвечал на столь неприятные ощущения мгновенно реакцией «бей или беги» с тошнотой, сердцебиением и оцепенением.

Реакция Люсида не была предсказуемой. Ее нельзя было четко объяснить: к примеру, разговоры о сексе вызывают небольшое отвращение, а просмотр сексуальных сцен по телевизору более сильное. Подробное обсуждение полового акта могло вызвать у него большее отвращение, чем изображение обнаженного тела, но почему — было неясно. Все это было очевидно для других и сделало Люсида мишенью для особо изощренных издевательств: дети выкрикивали в его адрес сексуальные шутки и, «по сути, использовали его сексуальное отвращение против него же».

Итак, решил Люсид, очевидно, что он не натурал. Многие асы предполагают, что они геи, прежде чем задаться вопросом, правильный ли это выбор. Другие начинают использовать слово «асексуальный», глядя на прочие сексуальные ориентации и делая вывод, что это единственный оставшийся вариант. Люсид идентифицировал себя как «несексуальный» до того дня, когда наткнулся на колонку Dear Abby в Maui News². Читатель New England ACE задал вопрос, на каком свидании нужно признаться в своей ориентации. Эбби ответила, что во все не обязательно сообщать об этом сразу, добавив, что автор письма не единственный асексуал, и упомянула AVEN. Тринадцатилетний Люсид украл этот экземпляр газеты с обеденного стола.

Уже одно только слово само по себе было ответом, имевшим четкий, прямой смысл. Люсид явно был асексуалом, но не знал, что для этого опыта существует название — о нем мало кто слышал или читал. Ведь принято считать, что все люди — аллосексуалы (или алло), то есть испытывают сексуальное влечение. Другими словами, аллосексуалы — это не асы.

«Слово „асексуальность“ помогло мне понять уже случившееся со мной, — делился Люсид. — Я впервые услышал: „Ты можешь просто не заниматься сексом“, — и испытал невероятное облегчение. Ведь все говорили о нем как о чем-то страшно важном, и считалось, что я тоже буду этого хотеть, и это было просто ужасно, абсолютно ужасно».

После паузы он добавил: «Это было похоже на первый шаг, ключ, открывший шкатулку, в которой были другие шкатулки. Асексуальность была самым очевидным объяснением, и она помогла мне лучше понять особенности моей личности». Это слово открывало доступ к важной информации, которая раньше была недоступна.

* * *

В средней школе я сплетничала о мальчиках. В старшей школе у меня возникли сложные, противоречивые отношения с одноклассницей, которые сначала заставили меня задуматься, не бисексуал ли я. Затем, когда мне не понравились прикосновения, появилась мысль, что я, вероятно, все-таки натурал. Даже во время учебы в колледже было мало причин подозревать, что я асексуал. Я считала себя застенчивой, невротичной и предпочитающей мужчин.

Мысль о том, что я могу быть асексуалом, казалась смешной. Я считала Эдриана Броуди привлекательным, а Ченнинга Татума не слишком, и у меня в ходу были сексуальные шутки и лукавые намеки, от которых краснели мои более приличные друзья. Я говорила о вожделении и внимательно слушала истории о сексуальных приключениях, но мне никогда не приходило в голову, что мои друзья и я использовали язык желания по-разному. Для них слово «горячий» могло указывать на физическое влечение такого типа, какой описала Джейн. Для меня «горячий» означало восхищение отличной фигурой. Их сексуальные контакты часто были мотивированы либидо; я даже не подозревала, что у меня оно отсутствует.

Меня мало интересовал секс с мужчинами, хотя отовсюду — из книг, по телевидению, от друзей — шло послание, что это фантастические ощущения. Но мне было очень любопытно, каково это — быть желанной, быть любимой кем-то, кого я тоже желала, желала всем сердцем,

чего не было с моим первым парнем — одноклассником. Это была настоящая причина моего вожделения.

И тогда появился Генри. Мы с Генри познакомились, когда нам было по двадцати одному году. После первого разговора я написала в своем дневнике: «УСПОКОЙСЯ, ЧЕРТОВО СЕРДЦЕ» — вот так, заглавными буквами. Мы общались по интернету — он жил Техасе, а я в Калифорнии. Несмотря на отсутствие личных встреч, мы полюбили друг друга — после писем, чатов и многочасовых разговоров.

Мы увиделись впервые почти через год. Наши отношения длились всего несколько месяцев, но их последствия отравляли мне жизнь намного дольше. И оглядываясь на события с того первого разговора до вопроса, заданного Джейн в бирманском ресторане, я понимаю, что отношения с Генри — это рубеж между «до» и «после». Именно после разрыва с ним я узнала о собственной асексуальности. Наши отношения послужили для меня не только поводом узнать больше о своей сексуальности, но и опытом романтической любви и длительной боли от потери.

Первая любовь всегда кажется чудом. Я же влюбилась в кого-то, кто был далеко от меня, с кем, как мне казалось, была возможна только дружба; нам нужно было изменить нашу жизнь, чтобы быть вместе; и наши чувства в глубине сердца действительно изменили реальность — все это сделало этот момент времени, этого человека еще более необычными. Наши усилия обозначили эти отношения как особые, а серьезность нашего плана стала свидетельством серьезности наших чувств, того, что наша связь — это больше, чем подпитывание собственного самолюбия и просто увлечение. В этом, я уверена, мы не ошиблись. Ничто ни тогда, ни после не поколебало мою веру в то, что, какими бы жутко незрелыми мы ни были, по своей сути эти чувства были редкими и глубокими.

Техас и Калифорния далеко друг от друга, но это был последний год обучения в колледже, и жизнь каждого из нас в любом случае вот-вот

должна была измениться. Мы договорились, что оба переедем в Нью-Йорк после окончания учебы. Я могла бы работать журналистом, а он поступил бы в аспирантуру. Но когда Генри не приняли ни в один университет в этом городе, он решил поступить в вуз на юге и настаивал на пятилетних открытых отношениях на расстоянии.

Мне это было не по силам. Я была настолько недоверчивой и уязвимой, что написала в своем дневнике: «Пусть тебе — не понятно почему — раньше не приходило это в голову, помни: ты тоже можешь просить других о чем-то. Ты можешь просить их пойти на компромисс. Не всегда именно ты должна уступить».

Я должна была сказать «нет», но боялась потерять его. Так что я сделала ошибку и сказала «да».

* * *

Перед тем как отправиться на юг, Генри решил провести лето в Нью-Йорке, чтобы якобы посещать языковые курсы, но на самом деле быть со мной. Мы договорились жить вместе, ни разу не встретившись до этого.

Месяцы, которые нам предстояло провести вместе, уже казались болезненно короткими по сравнению с тем, что нам предстояло. Быть вместе и не тратить время на дорогу было нашим самым сильным желанием.

Это лето было болезненным, и по многим причинам у нас ничего не вышло. Не из-за секса — точнее, не совсем из-за него. Наши странные отношения были не безоблачными, но мы считали друг друга привлекательными, и мне нравилось заниматься сексом с Генри. Это было интимно, как будто я переживала то, что было недоступно другим. Я получила то, что мне всегда хотелось испытать: не сексуальное удовольствие, а острые ощущения от чего-то особенного.

Сам по себе секс не создавал проблем, их создавал мой страх перед определенным аспектом сексуальности. Хотя в те месяцы мы были моногамными, перспектива пяти лет открытых отношений пугала меня, и мне было трудно принять, что Генри хотел заниматься сексом с другими. Так как я была убеждена, что Генри тут же влюбится, как только переспит с кем-то еще, любое упоминание о сексуальном влечении — его или кого бы то ни было — вызывало мучительные проекции отказа.

Вскоре страх перед неопределенным будущим затмил ощущение безопасности в настоящем. Я хотела быть сильной и при этом убежать от Генри, и этот токсичный коктейль разрушил наши отношения. Снова и снова я чувствовала, как эмоции выходят из-под контроля, но не находила в себе сил, чтобы остановиться. Моя паника проявлялась в постоянных попытках расстаться, поскольку я очень боялась, что меня бросят. Во время непрерывных боев я отмахивалась и приводила в качестве причин моего недовольства любые проблемы, но никогда прямо не произносила слова «страх» или «неуверенность». Я не могла ни сказать, что боюсь, ни признать, насколько меня это волнует.

Однажды, возвращаясь с работы домой, я шла мимо цветочного магазина и купила для Генри красные гвоздики. Когда я пришла домой, и он спросил меня, откуда цветы, меня испугала перспектива признаться в добром спонтанном жесте. Я сказала, что взяла цветы у коллеги на работе, подумав, что они будут красиво смотреться на обеденном столе.

* * *

В конце концов Генри надоел наш роман, и осенью он вполне ожидаемо расстался со мной. Несмотря на разрыв, я продолжала думать о наших бесконечных разговорах об открытых отношениях: Генри говорил, что мужчины всегда будут изменять, потому что это есте-

ственно, что цепляться за моногамию старомодно, и что я могла бы принять это, если бы изо всех сил постаралась.

Утверждения Генри вызвали у меня новый глубокий страх перед всем, что связано с флиртом, сексом или романтикой. Когда мой сосед по квартире смотрел старые сезоны «Скандала», где главные героини целуются в каком-то темном коридоре, я убежала к себе в комнату и закрыла дверь. Если кто-то пытался меня обнять на свидании, я немедленно отстранялась. Мне никогда не нравилось, когда меня трогают незнакомцы, но, став холодной и циничной, я ужасно этого боялась. Я очень скучала по Генри и теперь верила, что все отношения закончатся либо предательством, либо ощущением у партнера, что он попал в ловушку.

Однажды вечером, спустя почти два года после последней встречи с Генри, я обнаружила, что рассказываю своему другу Томасу о том, как плохо все закончилось. К этому моменту я уже многим рассказала о нашем неудавшемся романе, я просто зациклилась на нем. Я была убеждена, что люди не смогут понять меня, не зная о Генри, и что я не смогу понять себя, пока не отвечу на вопрос, почему мы потерпели неудачу. Ответ на него совпадал для меня с ответом на вопрос, почему я себя так вела. Томас так и не смог понять, почему я беспокоилась о том, что Генри может заинтересоваться кем-то другим и бросить меня.

— Я начинаю ревновать, — сказал Томас, добавив: — Тебе не приходило в голову, что не все поддается контролю. Сексуальное влечение к другим людям случается со всеми нами.

— Я знаю, и это меня пугает, — ответила я. — Это может случиться с каждым, и тогда кто-то всегда будет бороться с этим желанием и желанием обмануть, даже если он не обманщик. Это ужасно.

— Пожалуй, да, — сказал он. — Наверное, ты права. Но не совсем. Я уверен, что можно испытывать сексуальное влечение к тому, с кем не встречаешься, но часто это просто влечение. Физическое. Это про-

исходит постоянно, и его можно подавить. Для большинства людей это не какая-то ужасная вещь, с которой невозможно справиться, хотя думаю, что кому-то это нелегко. Почти всегда в этом нет ничего страшного. Мы все учимся справляться с этим влечением, понимаешь?

Я не знала. Его слова показались мне странными. Я никогда не испытывала «просто влечения», физического импульса — только эмоциональное желание, проявляющееся физически. Я хотела секса с кем-то только тогда, когда была готова изменить свою жизнь ради него, поэтому я не поверила Генри, когда он утверждал, что его желание секса с другими не должно угрожать мне. Когда он говорил о том, что все постоянно испытывают сексуальное влечение к другим людям, я понимала влечение только так: эмоциональное стремление — любовь, всепоглощающая и подавляющая. И такое влечение должно стать катастрофой для наших отношений, если оно будет направлено на кого-то, кроме меня. Сейчас это звучит нелогично и похоже на невероятную наивность, но для меня желание любви и желание секса всегда были неразрывно связаны. Я интересовалась сексом, но никогда не хотела заниматься сексом с кем-либо до Генри.

Разговор с Томасом заставил меня задуматься, почему то, что он считал само собой разумеющимся, было для меня откровением. Я задалась вопросом, чего еще я не знала о сексуальном влечении. Несколько месяцев спустя я обедала с Джейн и спросила ее, что такое сексуальное влечение. Я задала этот вопрос впервые, но к тому времени уже подозревала, что ее ответ не совпадет с моим взглядом на мир.

* * *

Через десять лет после того, как я впервые столкнулась с термином «асексуальность», я вернулась к этой теме, желая выяснить, что я неправильно поняла. Я давно знала, что сексуальное влечение и сексуальное поведение — это не то же самое и что не обязательно одно

вытекает из другого. Я знала, что, вообще говоря, сексуальное поведение находится под нашим контролем, а сексуальное влечение — нет. Всегда было ясно, что гей или гетеросексуальная женщина могут заниматься сексом с женщинами и это не влияет на их сексуальное влечение. Я поняла, что асексуальность — это отсутствие сексуального влечения, а целибат — это отсутствие сексуального поведения.

Прочитав больше, я впервые поняла, что можно не испытывать сексуального влечения, но при этом хотеть секса, точно так же как физически не испытывать желания или отвращения, например, к крекерам, но при этом получать удовольствие от их поедания во время приятного социального ритуала. Отторжение от секса является довольно очевидным признаком отсутствия сексуального влечения, но асексуальность также может быть скрыта за социальной перформативностью или желанием заняться сексом по эмоциональным причинам — а также из-за того, что различные виды желания связаны между собой так плотно, что их бывает трудно распутать. «Люди, которые никогда не испытывали сексуального влечения, не знают, что это такое, и понять, испытывали ли они его когда-либо, может быть непросто», — написал первоклассный исследователь Эндрю Хиндерлитер в письме редактору журнала *Archives of Sexual Behavior* в 2009 году³. Да, именно так.

Сексуальность, как ее понимают алloseксуалы, была для меня совершенно чуждой, и осознание этого в двадцать с небольшим лет изменило мою жизнь. Выключатель, который щелкал у других в период полового созревания, так и не сработал у меня. В этот период большинство подростков начали мастурбировать, у них были поллюции или сексуальные фантазии, и для них были значимы физические прикосновения и ощущения — запах волос или вид обнаженного плеча. У некоторых это происходило немного позже. У других, таких как я, ничего из этого не произошло. Я выросла и стала раздражительным подростком, но по-прежнему не обращала внимания на тела вокруг меня, не говоря уже о том, чтобы что-то от них хотеть. Мои увлечения в подростковом воз-

расте, хотя и были сильными, мало отличались от тех, что были у меня в детстве, и основывались на эстетическом влечении и интеллектуальном общении. Даже в мечтах я представляла себе лишь что кто-то, кто мне нравился, предложит мне встречаться. И не больше того.

Асексуальность объясняла, почему я была так озадачена, когда моя одноклассница забеременела. «Проще никогда не заниматься сексом», — подумала я. Это же так естественно, а как раз занятия сексом требуют дополнительных, лишних усилий.

Что могло заставить ее пойти на такой риск? Теперь я поняла, почему все было не так просто. Наш опыт был принципиально разным, но это было не настолько очевидно, чтобы я начала задавать себе вопросы.

Теперь я поняла, как моя асексуальность защищала меня. Я была асом, и это избавило меня от сексуальных отвлекающих факторов, от плохих или любых связей вообще, от случайных отношений, которые заканчивались неразберихой. Я также видела, как моя асексуальность — или, вернее, моя неосведомленность о ней — причинила боль Генри и мне. Асексуальность никогда не была причиной наших неудач. Во всем виноваты жизненные обстоятельства, незрелость и боязнь осуждения. Тем не менее моя неосведомленность увеличивала страх, что привело к краху наших отношений. Я была напугана в основном потому, что мне не хватало, — но я не осознавала этого, — личного опыта сексуальности. Я не понимала, что это такое и как управлять ею. Ограниченная своими знаниями, стесненная своим опытом, я видела монстров там, где были только тени.

* * *

Легко посочувствовать Люсиду, меня понять сложнее. Отвращение, которое у Люсида вызывает секс — угри, тошнота, — сильно отличается от опыта большинства, поэтому люди думают, что именно такой

и должна быть асексуальность. С другой стороны, мой опыт может показаться типичным для менее повернутого на сексе человека в сексуальном обществе, в отличие от чего-то необычного или чего-то, что требует отдельного ярлыка идентичности. Многим людям, испытывающим влечение, моя история может показаться знакомой, но они предпочитают не идентифицировать себя как асексуалов. Так почему я отношу себя к асексуалам, когда могу считаться алложенщиной, не имеющей сексуальной мотивации?

В первую очередь потому, что многие составляющие моего опыта — например, тот факт, что я никогда не думаю о сексе и могу быть целомудренной всю жизнь без особых проблем, — совпадают с опытом других асов. Когда я узнала об асексуальности, это вызвало шок признания, но не отторжение. Я всегда была сторонницей использования подходящего слова, даже когда мне не нравились ни опыт, ни слово.

Тем не менее слово «асексуальный» само по себе было бы бессмысленным, если бы оно только описывало опыт и не связывало меня с людьми, которые помогли бы мне понять этот опыт. Асексуальность всегда была политическим ярлыком с практической составляющей, и более важная причина, по которой я идентифицирую себя как аса, заключается в том, что это принесло мне пользу. Когда наши отношения с Генри закончились, у меня были проблемы с пониманием себя и других, пока я не узнала об асексуальности. У меня были сильные сложные чувства и мысли по поводу романтики и секса, но мне не хватало слов, чтобы выразить их. Остальные асексуалы всё понимали. Они помогли мне разобраться в себе и своей жизни. Хотя принятие асексуальности вызывало внутреннее сопротивление, оно значительно прояснило мой опыт. Оно позволило мне по-новому взглянуть на мир.

Мир не состоит из асов и алло. Если представить некую шкалу сексуальности, то люди вроде Люсида находятся дальше от конца аллосексуальности, а люди вроде меня — ближе к нему. Мне не хочется думать об асексуалах как об отдельной группе, совершенно не похо-

жей на «нормальных» людей, или о членстве в ней как о цели, которую можно достичь только с помощью выполнения всех пунктов контрольного списка. Я не считаю, что у асексуальности более высокие стандарты, чем у любой другой ориентации. Никто не думает, что все аллосексуалы одинаковы или что они постоянно испытывают сексуальное влечение. Их сексуальный статус не подвергается сомнению каждый раз, когда они отказываются от секса. Асексуалы также не являются монолитной группой, — и если более гибкое, всеобъемлющее определение означает, что образы аса и алло размываются, и все больше людей можно считать асами, то это только подтверждает мою мысль.

В этой книге сосредоточен опыт асексуалов. Нас не волнует проблема поиска сексуального партнера, но мы и не против секса. Мы не просим людей прекратить заниматься сексом или чувствовать себя виноватыми за то, что он им доставляет удовольствие. Мы просто предлагаем подвергнуть сомнению собственные сексуальные убеждения и обещаем, что мир станет лучше и свободнее для всех. Я надеюсь, что читатели-асы увидят здесь себя и, наконец, почувствуют себя понятыми. Я надеюсь, что читатели, не являющиеся асексуалами, также узнают из этой книги что-то о себе и найдут концепции и инструменты, которые помогут им развеять собственные заблуждения относительно их места в этом мире. Мы все еще пытаемся его осознать.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕРЕЗ ОТРИЦАНИЕ

О ЛЮДЯХ, КОТОРЫХ МОЖНО БЫЛО БЫ охарактеризовать как асексуальных, известно уже давно. О них точно упоминалось уже в 1940-х годах, когда Альфред Кинси разрабатывал свою модель сексуальной ориентации. Кинси полагал, что сексуальная ориентация — это нечто большее, чем бинарная оппозиция гомо- и гетеросексуальности. Он создал шкалу с отметками от нуля до шести: ноль для тех, кто исключительно гетеросексуален, шесть для тех, кто исключительно гомосексуален, три для бисексуалов¹. Сегодня на шкале Кинси основаны представления о сексуальной ориентации на Западе.

Однако эта шкала не учитывает асексуалов, хотя Кинси было известно о них. Во время тысяч проведенных интервью Кинси встречались люди, не соответствующие его шкале, — у них, говоря его языком, «не было социально-сексуальных контактов или реакций»². Столкнувшись с данными, не соответствующими его теории, он не пересмотрел ее, чтобы сделать шкалу многомерной. Вместо этого Кинси выделил асексуалов в отдельную категорию под названием «Х». При этом по-прежнему основное внимание уделялось гетеросексуалам, гомосексуалистам и бисексуалам, а о группе Х почти забыли.

Обозначение той или иной группы людей играет важную роль, потому что язык властвует над нами. Он создает категории, которые помогают интерпретировать мир, а то, что нелегко передать с помощью языка, часто игнорируется и в мыслях. Общий словарный запас делает идеи более доступными, и наоборот, в его отсутствие опыт одних людей становится непонятным для других — прямой путь к изоляции.

Интернет помогает преодолеть это непонимание и изоляцию. Спустя шестьдесят лет после интервью Кинси те, кто когда-то был отмечен знаком X, нашли друг друга на досках объявлений, форумах и блогах. Они начали говорить о своей жизни, о том, что именно они хотят и не хотят в отличие от других, при этом их опыт невозможно классифицировать с помощью теории Кинси. Асексуальность не является «интернет-ориентацией», и интернет не привел к появлению асексуальных людей. Люди идентифицировали себя как асексуалов на протяжении десятилетий до его изобретения, а в 1970-х годах асексуальность уже обсуждали в самоизданных работах и журналах³. Интернет лишь помог достичь этим дискуссиям таких масштабов и объемов, которые раньше были невозможны.

Люди, писавшие сообщения на этих досках объявлений и форумах в начале 2000-х годов, оказали огромное влияние на формирование современного понимания асексуальности. Эти первые активисты (некоторые из них дали мне интервью для книги) теперь считаются людьми в возрасте, хотя большинству из них только за тридцать. Асексуальность — это не их изобретение. Ни одна группа и ни один человек не имеют права говорить от лица всех асов. Тем не менее эти активисты намеренно, методом проб и ошибок, а иногда и случайно, заложили основы движения асов. Молодые люди, общавшиеся друг с другом, разработали базовую структуру, которую до сих пор используют все впервые узнавшие об этой ориентации, исследователи, изучающие идентичность, журналисты вроде меня и многие другие. В ходе их обсуждений появилось само понятие асексуальности,

и этот термин стал преобладать над другими вариантами, такими как «несексуальный». Большая часть этих знаний была получена неофициально, поэтому я прямо цитирую блогеров. Штатные ученые — не единственные люди, на знания и опыт которых можно опираться.

В сравнении со всей историей человечества интернет еще очень молод, как и современное движение асов и соответствующее исследование асексуального опыта. Таким образом, движение асексуалов в некотором смысле является экспериментом в реальном времени. Этот эксперимент стал возможен благодаря интернету, объединяющему людей для создания социального движения и новой культуры, которая противодействует социальной одержимости сексом и оставляет место для всех: асексуалов, аллосексуалов или сомневающихся — тех, кто хочет иметь свободу получать удовольствие иными способами.

* * *

Первой известной веб-группой, пропагандирующей асексуальность, была Haven for the Human Amoeba, открытая на сервисе Yahoo! Groups в 2000 году⁴. В 2001 году первокурсник Уэслианского университета по имени Дэвид Джей создал Сеть видимости и образования асексуалов (AVEN), поместив ее в своем студенческом веб-пространстве. Следующим летом он купил сайт asexuality.org за 25 долларов наличными у парня в обшарпанной машине и создал форумы.

Для остального мира слово «асексуал» ассоциировалось с бесполом размножением, при котором организмы воспроизводят себе подобных без секса — как известно из школьной биологии. Члены этих ранних онлайн-сообществ, в которые также входило Официальное асексуальное общество и несколько групп LiveJournal⁵, обсуждали, что это слово может означать в применении к людям и какое поведение может вызвать навешивание этого ярлыка или, наоборот, лишение его. Некоторые люди, которых называли антисексуалами, считали,

что асексуалы превосходят все остальные категории. Другие считали, что ярлык асексуала следует использовать только для тех, кто не мастурбирует⁶.

Дэвид Джей хотел, чтобы сайт AVEN предлагал иную точку зрения. Он давно выступал за социальную справедливость и не желал участвовать в спорах о том, остается ли лесбиянка таковой, если она спит с мужчиной: конечно, остается. Асексуалы по своей сути не лучше аллосексуалов, а асы, которые не мастурбируют, ничем не лучше тех, кто этим занимается. Речь идет о вариациях, а не о превосходстве или неполноценности. Он подумал, что было бы лучше концептуализировать асексуальность, рассматривая ее как сексуальную ориентацию и идентичность, что поможет навести мосты с большим сообществом ЛГБТК+. Определение, в котором особое внимание уделяется сексуальному влечению, а не поведению, помогло бы отличить асексуальность от целибата, а также применить к ней логику других сексуальных ориентаций. Если гетеросексуал — это тот, кого сексуально привлекает противоположный пол, тогда асексуальный человек не должен испытывать сексуального влечения ни к кому. (Первоначально Дэвид описал асексуала как человека, которого сексуально не привлекает ни один из полов. После того как эксперты посоветовали ему избегать гендерной бинарности, он изменил определение, сделав акцент на «отсутствии сексуального влечения».) Инклюзивный дух и простота объяснения помогли сделать AVEN де-факто группой асексуалов⁷.

К сожалению, решение определить асексуальность, используя ту же лингвистическую и теоретическую логику, что и для других сексуальных ориентаций, оказалось ловушкой. Чтобы объяснить, что такое асексуальность и что такое отсутствие сексуального влечения, мы, асы, должны описывать точные ощущения, которые не испытываем. Для этого необходимо говорить об их отсутствии, доказывая, что мы ведем полноценную жизнь, а не чувствуем себя ущербными, и при этом изо всех сил пытаться объяснить, что именно у нас отсутствует.

Насколько я могу судить, сексуальное влечение — это желание заняться сексом с конкретным человеком по физиологическим причинам. Сексуальное влечение может быть мгновенным и непроизвольным: обострившееся ощущение, физиологическая реакция в сочетании с ментальным желанием. Мои друзья говорят, что их сексуально привлекают люди, которых они только что встретили, люди, чье общество им неинтересно, люди, которые им не нравятся или даже кажутся некрасивыми.

Приходится признать: асексуалы не испытывают ничего из вышеназванного. Но они при этом могут считать людей красивыми, иметь либидо, мастурбировать и смотреть порно. Асы могут наслаждаться сексом, любить извращения и вступать в самые разные отношения.

Для многих аллосексуалов это неожиданно. Их удивление связано не с неудачным названием, а с тем, что мало кто всерьез задумывается о сексуальности и сексуальном влечении. Оказывается, что ключ к одинаковому восприятию опыта аса и аллосексуала, — это объяснение сексуального влечения через отрицание или объяснение того, чем оно не является, и того, что отсутствие сексуального влечения не мешает нам заниматься сексом. Сексуальное влечение часто смешивают с половым влечением и другими видами влечения. На самом деле они различны, но — и это станет основной темой моей книги, — когда любые два явления часто сопутствуют друг другу или сочетаются, люди ошибочно полагают, что так происходит всегда. Различные компоненты сексуальности и влечения связаны и для аллосексуалов, но — и вот еще одна важная проблема — им не приходилось так активно бороться с путаницей, потому что она не создавала для них проблем. А вот асам приходилось.

* * *

Когда Сара, редактор лет тридцати, призналась другу в своей асексуальности, он осторожно предложил ей попробовать мастурбировать. «Он не знал, что я мастурбирую с раннего возраста, — говорит она, —

но для меня влечение не играет никакой роли». Сара мастурбирует, когда чувствует — ее голос становится пронзительным и шутивным — «покалывание в своей бездне», но с ней не бывает такого, чтобы вид человека или действие вызвали физические изменения в ее теле или желание в сознании. «Я не могу понять, как работает влечение, — продолжает она. — Вы смотрите на тело, и оно вас заводит? Я этого не понимаю».

Повторяйте за мной: сексуальное влечение — это не половое влечение. Эти два явления часто рассматриваются как взаимозаменяемые, но осознание того, что они разделены, помогает понять асексуалов.

Проще говоря, половое влечение (или либидо) — это желание сексуальной разрядки, набор чувств в теле, часто сочетающийся с навязчивыми мыслями. Оно может возникнуть из ниоткуда, без очевидной причины, и быть не связано ни с кем. Это внутреннее переживание сексуальной неудовлетворенности, не зависящее от сексуальной ориентации. Женщина может быть лесбиянкой и иметь сильное либидо, то есть она часто хочет сексуальной разрядки. Мужчина может быть натуралом и иметь низкое половое влечение. Человек может быть асексуалом и совсем не желать сексуальной разрядки. Или человек может быть асексуалом и иметь так называемое ненаправленное половое влечение, это покалывание в «пещере». Ненаправленное половое влечение — это не причуда опыта асексуалов; это еще один синоним «возбуждения», которое может испытывать любой человек, потому что либидо не обязательно подразумевает сексуальное влечение. Представьте себе гея с высоким либидо в окружении женщин. Он может чувствовать себя возбужденным и хотеть секса, даже если ему не интересны окружающие.

Таким образом, сексуальное влечение — это возбуждение по отношению к конкретному человеку или вызванное им. Это желание секса с этим партнером, так сказать, целенаправленное либидо. Если использовать метафору еды: человек может физически чувствовать

голод, который был бы подобен половому влечению, без тяги к определенному блюду, которая была бы больше похожа на сексуальное влечение. Половое влечение бывает разной силы, как и сексуальное. У некоторых асексуалов есть либидо, а у некоторых нет, но все мы испытываем недостаток сексуального влечения, и у большинства из нас низкое желание заниматься сексом с партнером. (В качестве примечания: важно уточнить, что сексуальное влечение и половое влечение — это не то же самое, что физическое возбуждение. У многих могут быть случайные эрекции или возбуждение во время медицинских осмотров без участия либидо или влечения. Психолог из Университета Британской Колумбии Лори Бротто предполагает, что женщины-асы и женщины-аллосексуалы испытывают примерно одинаковое генитальное возбуждение, когда им демонстрируют сексуальные образы⁸. И большинство мужчин-асов сообщают, что у них при демонстрации эротики и порнографии нет проблем с эрекцией.)

Сара желает сексуальной разрядки, это половое влечение без всякой причины, и оно не вызвано другими людьми. Ей вовсе не хочется, чтобы в этой разрядке поучаствовал кто-то еще. Телесные ощущения просто не превращаются в желание заняться сексом с другими людьми. Точно так же Веспер, блогер-асексуал, заметила изменение полового влечения, но не сексуального, после того как начала принимать тестостерон (часто называемый Т). «Мне было очень легко не обращать внимания на гениталии, потому что я не интересуюсь сексом, и, за исключением ежемесячного ада [менструации], мне не нужно было признавать его существование, — говорит она. — Но когда начинаешь принимать Т, ты гораздо сильнее ощущаешь, что либидо существует». Наличие либидо — новый и дезориентирующий опыт для Веспер. «Но я останусь асексуалом независимо от того, будет ли у меня высокое либидо, потому что оно все равно не будет направлено на конкретного человека, — продолжает она. — Конкретного человека, вызывающего это желание, не существует». (Для языковой простоты в остальной части книги я буду использовать такие терми-

ны, как «половое влечение» и «сексуальное желание», как сокращение от «сексуального желания заняться сексом с партнером».)

Сара не проявляет сексуального интереса к другим людям, и никакое либидо или мастурбация не могут изменить это. Как она выразилась, «мой мозг асексуален». Приставка «а» означает «без», поэтому считается, что у нее нет сексуальности. Это прямо следует из самого обозначения. Но задумайтесь о том, что Дэвид Джей называет «парадоксом мастурбации»⁹. Асы, испытывающие половое влечение и занимающиеся мастурбацией, участвуют в том, что должно быть «самой явной формой сексуального желания». Он пишет, что мастурбация — это сексуальное возбуждение и сексуальное освобождение без сложной социальной и эмоциональной динамики партнерского секса. В этом больше чистого секса, чем в любовных отношениях. Это более сексуально, чем держаться за руки и целоваться или флиртовать ночью в баре. Это сексуальнее всего.

Так почему же мы говорим, что у людей, которые занимаются самыми сексуальными вещами, полностью отсутствует сексуальность? Другими словами, почему слово «сексуальность» используется так узко и обычно как синоним сексуальной ориентации? Когда кто-то спрашивает о сексуальной ориентации человека, мы понимаем вопрос и отвечаем соответственно, что он гомосексуалист, гетеросексуал или бисексуал.

Если сексуальность — это не что иное, как сексуальное влечение к определенному полу, тогда это правда: у Сары нет сексуальности. Но это упрощенное понимание не оставляет места ее сексуальным фантазиям. «Я не представляю себе член внутри меня. Я не думаю о человеке, с которым занимаюсь этим, — говорит Сара. — Если я представляю себе людей, у них нет лиц, имен или тел; это скорее концепция. Но то, что кто-то каким-то образом контролирует меня, ведет себя так, будто я «должна это делать» или будто я — неодушевленный объект, меня возбуждает. Это своего рода моя фантазия». Что-

бы лучше передать опыт Сары, может потребоваться переосмысление того, как мы используем язык сексуальности.

Большинство людей интуитивно признают, что сексуальность, часто неопределенно описываемая как «выражение себя с сексуальной точки зрения», — это больше чем сексуальная ориентация и больше чем желание заниматься сексом с партнером. Например, поиск в Twitter по запросу «моя сексуальность» дает ответы типа «красивые женщины в костюмах» или «Гарри Стайлс», но не «бисексуальность». Это мем и шутка, но это также и самовыражение, свидетельствующее о том, что сексуальность может быть очень специфической. Тем не менее существует мало серьезных систематических дискуссий, по крайней мере среди широкой общественности, о том, какими могут быть эти другие компоненты сексуальности.

На мой взгляд, сексуальная ориентация — это одна из составляющих сексуальности, но многое другое — извращения и фетиши, эстетика и фантазии — могут дополнить ее. Итак, наша сексуальность выходит далеко за пределы нашей ориентации. Эта идея, безусловно, не нова в альтернативных сексуальных сообществах, но она еще не получила широкого распространения и не нашла отражения в том, как мы рассматриваем нюансы нашей сексуальной жизни.

* * *

Если вы не являетесь асексуалом и хотите увидеть мир глазами аса, то теперь это возможно благодаря британскому телешоу «Голое влечение» (Naked Attraction). Хотя некоторые называют его «шоу свиданий без одежды», это не шоу о двух людях, идущих на свидание обнаженными, как можно было бы подумать. Это лучше.

Это игровое шоу. Один счастливчик, ищущий любви, стоит на сцене перед шестью светящимися неоновыми кабинками, расположенными

полукругом. Внутри каждой кабинки находится обнаженный человек того пола, который предпочитает главный участник. Первый раунд: неоновые экраны поднимаются от пола вверх, показывая всю нижнюю часть до пояса. Ничего не размывается и не затемняется. Это сплошные пенисы и вагины.

Участник ходит по кругу, вглядываясь в каждую кабинку и комментируя различные телесные недостатки («седые волосы», «не слишком уверенно стоит»), в то время как камера фокусируется на гениталиях. Владельцы, вероятно, отчаянно пытающиеся использовать любое возможное преимущество, иногда покачивают бедрами, чтобы казаться более соблазнительными или, по крайней мере, более оригинальными. Иногда все гениталии отображаются рядом на красочном графике, который напоминает диаграмму «каждое тело прекрасно» для детей в препубертате. Наконец, одного участника исключают.

Второй раунд: экран поднимается дальше и показывает тело до шеи, чтобы лучше было видно волосы на груди мужчины или грудь женщины. Исключают еще одного участника. В других раундах мы видим лицо и слышим голос (можно распознать акцент и другие особенности речи), а затем выбирающий тоже раздевается, называет победителя, и эти двое отправляются на свидание, даже не поговорив нормально.

Все это может показаться непристойным, но когда однажды днем я посмотрела несколько серий с подругами, мы согласились, что «Голое влечение» — одно из самых незротичных телешоу, какое только можно вообразить. Это просто забавно. Тела просто стоят, не смазанные маслом, не в провокационной позе, не пытаются продать J'adore от Dior, выглядят совершенно нормально, пусть и находятся в этих неоновых кабинках. Здесь царит атмосфера не мясного рынка, а русской бани, полной людей, решивших помыться.

Хотя я была единственным асексуалом в группе, никто из нас не испытывал волнения. Тела не выглядели привлекательно. Они и не вы-

зывали отвращения, но было нелегко решить, кого исключить, глядя только на гениталии, без всего остального. Разве их увлечения менее важны, чем размер яичек? У них могло быть слишком много волос на груди, но, конечно, они могли удалить их воском. Или, может быть, если бы участник познакомился с кем-то из них, излишнее оволосение не имело бы большого значения.

Пожалуйста, посмотрите это шоу и поразитесь, насколько оно несексуально. Обратите внимание на гениталии, лишенные индивидуальности, это всего лишь несколько складок кожи, покрытых волосами. Они не возбуждают. Сами участники кажутся равнодушными; они скорее смеются, чем похотливо облизывают губы. Все это не означает ничего, тем не менее вы должны принять решение, кто более или менее подходит в качестве партнера. Сделайте еще один шаг и осознайте: все это ничего не значит, но другие люди видят в этом что-то особенное, а вы — нет. Они видят те же стоящие тела, что и вы, но испытывают нечто иное. Тела вызывают у них какую-то незнакомую вам реакцию. Шоу заставляет их задуматься о том, что они могли бы сделать с телами на экране. В этом нет смысла. Возьмите это чувство недоумения и усильте его. Постоянно применяйте его ко всем и каждому. Добро пожаловать в мир асексуалов.

* * *

Сегодняшний мир асов стал достаточно большим и включает в себя разные типы людей. Например, есть асексуалы, ненавидящие секс, безразличные к сексу или любящие его, в зависимости от того, насколько сильное отвращение они испытывают к сексу и сексуальной активности. В мире асексуалов также есть люди, которые идентифицируют себя как серые асексуалы или серые-А, более емкое выражение, охватывающее способность, например, лишь изредка испытывать сексуальное влечение или испытывать его не очень сильно.

Для некоторых эти термины имеют большую ценность, потому что более точный язык ведет к более точным обсуждениям. Но не все с этим согласны. Многие закатывают глаза при появлении все более конкретных терминов и считают, что чем больше слов, тем менее осмысленным является каждое из них. У скептиков эти термины ассоциируются с Tumblr, фальшивыми именами и подростками из поколения «снежинок»^{*}.

Некоторые термины, например «демисексуальность», воспринимаются негативно из-за такого отношения, и их стараются реже использовать. Демисексуалы, которые испытывают сексуальное влечение только после того, как установилась эмоциональная связь, считаются частью серых асов, и их часто высмеивают. Даже те, кто уважает асексуальность как сексуальную ориентацию, пренебрежительно относятся к демисексуальности как к полному самодовольству термину, используемому «нормальными» людьми, которые подчеркивают, что они ценят эмоциональную привязанность в отличие от бабников, которые готовы тыкать во все, что шевелится. «Стоит мне признаться, что я демисексуал, и объяснить, что это значит, как некоторые думают, что это еще один ярлык, который позволяет чувствовать себя особенным, или что я презираю людей, которые спят со всеми подряд, когда это не так», — говорит Чжекси Шань, студент Колумбийского университета. Широко распространенное пренебрежение заставило его полностью отказаться от этого слова и просто говорить: «Мне нужно время, чтобы захотеть других парней», — такое описание меньше отталкивает людей.

Как и люди с иной ориентацией, асексуалы могут быть сволочами, так что кто-то, вероятно, использует концепцию демисексуальности, чтобы пристыдить других. Однако сама по себе демисексуальность —

^{*} Поколение «снежинок» — термин для обозначения поколения, годы взросления которого пришлись на начало XXI века; название подчеркивает их уязвимость и уверенность в своей исключительности.

это не презрение к беспорядочным половым связям и даже не желание заниматься сексом только после возникновения эмоциональной связи. Это вообще не имеет отношения к предпочтениям. «Если вы не демисексуал, то можете зайти в бар и найти кого-то, кого сочтете сексуально привлекательным, — объясняет Лола Феникс, тридцатитрехлетняя писательница из Лондона, называющая себя «деми». — Конечно, новый знакомый может не пойти с вами домой — на это решение влияет множество разных факторов, — но я не могу зайти в бар и просто найти кого-то привлекательного, независимо от того, захочу я спать с ним или нет». Лола может заниматься сексом с незнакомцем, когда захочет, но это не то же самое, что иметь возможность испытывать сексуальное влечение к незнакомцу.

Если оставить в стороне проблему названия, реальный риск заключается не в том, что кому-то не нравятся эти термины, а в том, что акцентирование внимания на разных идентичностях может закрепить неправильное представление о сексуальном поведении. Например, ярлык демисексуальности может создать впечатление, что существуют «категории «нормальных» людей, а также «особых», которые хотят заниматься сексом только при наличии эмоциональной привязанности», — говорит Лиза Уэйд, профессор социологии Западного колледжа и автор книги «Беспорядочные связи в Америке: новая культура секса в кампусе». В своем исследовании Уэйд обнаружила, что большинство студентов хотят иметь отношения, но считают, что все остальные думают только о случайном сексе. Она обеспокоена тем, что принятие демисексуальности в качестве отдельной идентичности может усилить искажение фактов без подтверждения данными. «Это опасно, — продолжает она. — Это значит верить в культуру отношений, согласно которой все должны чувствовать себя одинаково и хотеть случайного секса, а если вы его не хотите, этого достаточно для идентификации вашей личности». Хотя Уэйд делает важное замечание, я считаю, что преимущества этого термина перевешивают недостатки. Чрезмерная сексуализация существовала задолго до того,

как слово «демисексуал» стало популярным, хотя я подозреваю, что отказ от этого термина вряд ли помешает людям считать, что сексуальная жизнь всех остальных лучше, чем их собственная.

Кроме того, эти слова не должны приводить к разделению людей и закреплению различий. Они могут быть полезными дескрипторами, используемыми кем угодно, а не взаимоисключающими идентификационными ярлыками, используемыми для разделения людей. (Например, нетерпеливость — полезный дескриптор, а не обязательно категория идентичности.) Многие люди испытывают сексуальное отвращение к аллосексуалам. Многие вообще крайне редко думают о сексе. Пропорция обычно иная — отказывающиеся от секса асы ведут себя так в 100 процентах случаев, — но использование этого языка на более конкретном уровне может быть полезным, чтобы описывать чувства день за днем и отслеживать переживания. «Асексуальность научила меня языку — дала мне словарь для секс-нейтральных, не любящих секс, секс-позитивных, — и теперь я могу примерить к себе эту шкалу в течение дня и попытаться инициировать секс и лучше понять себя», — говорит Алисия, ученый-асексуал, имеющая аллопартнера.

Фактически демисексуальность и серая асексуальность применима ко многим, кого можно рассматривать как алло. Асексуальность — это когда вы не испытываете сексуального влечения ни к кому.

Демисексуальность описывает условия, при которых у кого-то развивается сексуальное влечение (после формирования эмоциональной связи), а серая асексуальность может быть связана с тем, насколько часто у кого-то развивается сексуальное влечение (редко). Можно быть пансексуалом и демисексуалом или гетеросексуалом типа серого-А, комбинируйте как угодно и сколько угодно.

«Действительно, противоречия существуют», — признает Си Джей Чейзин, давний активист-асексуал и кандидат психологических наук Виндзорского университета в Канаде. Точно так же, как невозможно